

Протофразеологизм «дяди в пробковом шлеме» и его истоки в русской художественной культуре

Д.В. Марьин
БАРНАУЛ

В 2008 году стало уже привычным подведение итогов президентства В.В. Путина. Кому-то он запомнится полетом на истребителе и плаванием на подводной лодке, Второй чеченской кампанией и борьбой с олигархами, президентскими программами и мюнхенской речью... А вот филологу второй президент России интересен как автор оригинальных «крылатых выражений» т.н. – «путинизмов», с его легкой руки перекочевавших в язык СМИ и политических дебатов: «замочить в сортире» (о «международных террористах» – кстати, тоже термин, введенный В.В. Путиным), «котлеты – отдельно, мухи – отдельно» (о российско-белорусских отношениях), «она утонула» (о гибели ПЛ «Курск»), «дяди в пробковом шлеме» (о вмешательстве Запада во внутренние дела восточноевропейских государств). Последнее высказывание, пожалуй, наиболее интересно своей образностью. Напомним, что во время государственного визита в Турцию в декабре 2004 г. В.В. Путин, комментируя ситуацию вокруг президентских выборов на Украине, заявил: «Я не хочу, чтобы, как в Германии, было разделение на западников и восточников, «первый сорт» имел возможность жить по демократическим, стабильным законам, а «людям второго сорта», образно говоря, людям с темным политическим цветом кожи, добрые, но строгие дяди в пробковом шлеме указывали целесообразность, по которой они должны жить. А если туземец будет возражать, то его накажут с помощью ракетно-бомбовой дубинки, как это было в Югославии» [Коммерсант, 2004]. Это высказывание, неожиданно, получило огромный резонанс на Западе. Особенно был возмущен словами о «дядях в пробковом шлеме» и «ракетно-бомбовой дубинке» верховный представитель Евросоюза по внешней политике Х. Солана (в бытность свою генсеком НАТО, он имел прямое отношение к событиям в Югославии). По мнению А.И. Молоткова, крылатые слова «могут быть прототипами фразеологизмов русского языка» [Молотков, 1986, с. 9]. Назовем такие окказиональные образования «протофразеологизмами».

В чем же истоки образности протофразеологизма «дяди в пробковом шлеме»? Пробковый шлем – головной убор для ношения в тропиках, изготавливаемый из прессованной пробки, снаружи обтянутый тканью белого, хаки или желто-коричневого (песочного) цвета. Будучи легким, такой шлем не деформируется, не промокает, хорошо защищает от солнца. Возникнув в середине XIX в., шлем быстро завоевал популярность не только у путешественников, но и у военнослужащих колониальных войск Великобритании, Франции, Бельгии и Германии, являясь уставным головным убором вплоть до конца Второй мировой войны, а в армии Вьетнама остается таковым и по сей день. Сейчас пробковый шлем – деталь туристского снаряжения, предмет коллекционирования (стоимость коллекционного шлема достигает 500\$). Его форма, став на Западе архетипической, репродуцируется в шляпах из соломы, бамбука, синтетических материалов и даже в строительных касках.

В русской культуре особая семиотика пробкового шлема складывается в 70-е гг. XIX в. и связана с именем Ф.М. Достоевского. Достоевский в «Дневнике писателя» за ноябрь 1877 г. упоминает об «англичанине в пробковом шлеме», находившимся при свите императора Александра II во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. Далее образ англичанина в пробковом шлеме используется Достоевским как символ тайной политики Британской империи на Балканах в период войны [Достоевский, 1984, с. 72]. Удивительно, но и В.В. Путин иллюстрирует смысл выражения «дяди в пробковом шлеме» на примере событий в Югославии – современной балканской войны. Постепенно в русской культуре складываются два символических значения пробкового шлема: «атрибут иностранца и, как следствие, чего-то необычного» и «атрибут колонизатора, покоряющей силы».

А.П. Чегодаев-Саконский, офицер крейсера «Алмаз», участник Цусимского сражения описывает в своих воспоминаниях такой эпизод во время стоянки Второй тихоокеанской эскадры в Порт-Саиде, славившегося в начале XX в. изготовлением пробковых шлемов: *Навстречу нам торжественно шествовала фигура, одетая в короткий пиджак и короткие панталоны, из-под которых торчали рыжие голенища сапог. Белый [пробковый] шлем красовался на гриве растрепанных волос*. Вид иностранца в пробковом шлеме оказался необычным для русских матросов: *«Ай да батя! – слышалось вдогонку. – Принарядился!»* [Чегодаев-Саконский, 2004, с. 19]. В авантюрно-приключенческом романе «Ремесло сатаны» популярного дореволюционного писателя Н.Н. Брешко-Брешковского (1879-1943) германский шпион фон Люциус, скрываясь под личиной дипломата, в Италии *«словно где-нибудь в Камеруне, носил белый тропический шлем с вуалью и вообще имел сугубо колониальный вид»* [Брешко-Брешковский, 1996, с. 240]. Подобная семиотика сохраняется и в постреволюционной русской литературе, как советской, так и эмигрантской. Оказавшийся в Харбине поэт А. Несмелов писал в 1938 г.: *«Я же не путешественник-янки! Нахлобучивший пробковый шлем, -// На китайском моем полустанке!// Даже ветер бессилен и нем!»* [Несмелов, 1990, с. 110]. В романе М. Шолохова «Тихий Дон» Григорий Мелехов встречает в Усть-Медведицкой английского офицера-артиллериста в пробковом шлеме [Шолохов, 1979, с. 415]. Экзотичность эпизоду придает и то, что вместо лошадей орудия тянут мулы – животные доселе казакам неведомые. В зрелом советском искусстве

данное символическое восприятие пробкового шлема по-прежнему актуально. В популярном кинофильме «Корона Российской империи, или снова Неуловимые» (реж. Э. Кеосаян, «Мосфильм», 1971 г.) один из главных героев – Данька, инкогнито возвращающийся на французском пароходе «Глория» в РСФСР, одет в костюм скаута и пробковый шлем.

Параллельно в русской культуре развивается и другое семиотическое восприятие пробкового шлема – как атрибута колонизатора, подчиняющей силы. П.Н. Краснов (1869-1947) многим известен как один из лидеров белого движения в период Гражданской войны. Но в дореволюционной России его знали как путешественника и писателя, автора многочисленных и увлекательных мемуаров о своих странствиях. В 1889 г., будучи молодым офицером-гвардейцем, Краснов в составе казачьего отряда охраны русской дипломатической миссии совершает трудное и опасное путешествие в Абиссинию (современная Эфиопия) через Джибути и Сомали. После возвращения в Россию впечатления от этого путешествия воплотятся в повесть «Казачи в Абиссинии», к сюжету которой Краснов обратится еще раз в эмиграции. Казачи отряда Краснова одеты не совсем обычно: кроме традиционной гимнастерки, синих шаровар и сапог, на головах у них – пробковые тропические шлемы. Пробковый шлем на голове самого Краснова вполне гармонирует с его отношением к чернокожему населению, встречающемуся на пути отряда: «черная сволочь», «черномазые» – привычное описание сомалийцев. *«Удивительные лентяи эти сомали и абиссинцы»* – пишет русский офицер в пробковом шлеме [Краснов, 1992, с. 36]. Даже рядовые казаки перенимают такую форму обращения с туземцами. *«Ну, ну, живет, черномазые»* – «ласково» и «ободрительно» говорит урядник-старовер Архипов караванщикам, *«подталкивая за плечо одного из них»*. В повести Краснова пробковый шлем – символ белого человека, цивилизаторской деятельности европейцев. Автор дает такой совет путешественнику по Африке: *«Помни, что ты белый человек высшей расы, и не теряй своего достоинства рукоприкладством и суетой»* [Краснов, 1992, с. 95]. Впоследствии П.Н. Краснов станет приверженцем крайне правых взглядов, окажется в эмиграции в Германии, будет активно сотрудничать с гитлеровцами, организует в Италии из эмигрантов и бывших военнопленных казачьи сотни для борьбы с партизанами на Балканах, попадет в плен к англичанам, будет выдан СССР и в 1947 г. – казнен.

В советский период интерес к образу пробкового шлема как символу колонизатора сохраняется. В послевоенном СССР возрождается романтика дальних странствий, интерес к тропическим, экзотическим странам, тому, что в дореволюционной России называлось словом «колониальный». Это связано с наступлением в советской истории своеобразной «викторианской эпохи». Викторианская эпоха в Англии конца XIX – начала XX вв. – это интерес к колониям и колониальной атрибутике, творчество Р. Киплинга и Р.Л. Стивенсона. Викторианская эпоха – период зрелой империи, предшествующий ее распаду. Своя «викторианская эпоха» была и в Российской империи конца XIX – начала XX вв. В это время в России наблюдается мощный всплеск интереса (как политического, так и общественного) к странам Азии и Африки. В Средней Азии осуществляется движение на юг, к границам Индии, на Дальнем востоке – в Китай и Маньчжурию. В 1898 г. Россия получает в аренду Квантунский п-ов с

Порт-Артуром, где предполагалось построить крупнейший на Тихом океане город-порт Дальний. В это время Порт-Артур воспринимается приезжими как типичный колониальный город: офицеры в белых кителях, китайцы-рикши, японцы и даже индусы-сипаи. Несколько ранее, в 1886 г. Н.Н. Миклухо-Маклай, исследовав северо-восточный берег Новой Гвинеи, впоследствии названный в честь него Берегом Маклая, ходатайствует перед императором Александром III об опеке над этой территорией. Через газеты Маклай организовал группу поселенцев, изъявивших желание основать русскую колонию в Новой Гвинее. В 1889 г. пензенский мещанин Н.И. Ашинов в Таджурском заливе Красного моря (побережье современного Джибути) основал колонию Новая Москва, просуществовавшую один месяц, и затем разгромленную французами, считавшими эту территорию своей собственностью. Неудачно закончившаяся русско-японская война и рост революционного движения положили конец «русской викторианской эпохе», но отголоски ее сохраняются еще в творчестве Н.Гумилева. В СССР после окончания второй мировой войны наступает период зрелой империи, и, как следствие, – новая викторианская эпоха. На Ялтинской конференции Сталин пытался получить под опеку Ливию, бывшую итальянскую колонию в Африке. После победы над Японией СССР вновь получает Порт-Артур и Дальний. В 60-70-е гг. советские военные базы располагаются на Кубе, в Сирии и Вьетнаме, активно наше присутствие в африканских странах. Заключительный аккорд «советской викторианской эпохи» – уход из Афганистана в 1989 г., фактически совпавший с развалом СССР. «Колониальные» тенденции нашли проявление и в советской массовой культуре послевоенного периода. Романтикой тропических, экзотических стран полны литература, кино и даже мультипликация. И не только. «Хрестоматия по физической географии» (Учпедгиз, 1948 г.) выходит с обложкой, на которой, почему-то, изображен тропический порт с кораблями и пальмой [Хрестоматия, 1948]. А вот сборник занимательных задач «5 минут на размышление» (1951 г.) содержит несколько характерных заданий: *«Темная, душиная тропическая ночь где-то в жаркой зоне земного шара. <...> Наверху, почти в зените, какие-то неведомые нам звезды расположены в виде креста. <...> Советский корабль стоит на рейде. Радист в своей рубке разговаривает с Москвой...»* [Пять минут на размышление, 1951, с. 22-23]. Далее предлагается по внешним признакам, указанным в задаче, определить географическое положение места (о. Таити).

Естественно, что среди этой тропического колорита нашлось место и для пробкового шлема. Правда, теперь значение «колонизатор» расширяется новым оттенком: «ложный, ненастоящий». В 1961 г. на экраны выходит художественный фильм «Полосатый рейс» (реж. В. Фетин, «Ленфильм»). Основное действие картины начинается в «тропическом порту на экваторе». «Работник пищеблока» Шулейкин (Е. Леонов) вынужден выдавать себя за дрессировщика тигров. Суровый образ бесстрашного укротителя подчеркивается сначала и пробковым шлемом Шулейкина. Но работник пищеблока оказывается лжедресировщиком. Гораздо более сложной является семиотика пробкового шлема в новелле «Напарник» известной кинокомедии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (реж. Л. Гайдай, «Мосфильм», 1965 г.). «Тунеядца, хулигана и алкоголика» Верзилу (А. Смирнов) для перевоспитания отправля-

ют на стройку под опеку прораба (М. Пуговкин). Прораб вместо каски носит пробковый шлем («Пробка! Подарок из Африки»). Однако, воспитательные методы прораба не соответствуют его «колонизаторскому» виду и на деле оборачиваются банальной демагогией, рассуждениями о том «как наши космические корабли бороздят просторы Вселенной». Перевоспитать дикаря-Верзилу удастся не прорабу в пробковом шлеме, а интеллигентному студенту-очкарику Шурику (А. Демьяненко), причем простыми, но жесткими, «колонизаторскими» мерами – розгами. Напомним, что превращение Верзилы в свирепого чернокожего дикаря на экране получает конкретное воплощение, когда тот пробегает сквозь дым от горящего гудрона. Данный эпизод навлек на Гайдая критику на худсовете, т.к. один из чиновников считал, что этот момент «обижает народы Центральной Африки». Возможная параллель с событиями на «черном континенте» неслучайна: номера «Правды» за 1964-65 гг. пестрят заголовками об освободительной борьбе против колонизаторов в Судане, Анголе, Мозамбике, Замбии и Нигерии. Гневные письма советских граждан требуют призвать к ответу ненавистного М. Чомбе «за все злодеяния, за тысячи загубленных жизней, за тяжкие страдания конголезского народа, за смерть его великого сына Патриса Лумумбы» [Правда, 1965]. Политический подтекст новеллы можно продолжить. «Железный Шурик» – кулуарное прозвище А.Н. Шелепина (1918-1994), председателя КГБ (1958-61), зампреда Совета министров СССР (1962-65), который неоднократно выступал за более жесткую политику СССР в отношении африканских стран и даже настаивал на вводе советских войск в Анголу.

В современной русской литературе семиотика пробкового шлема не изменилась. В романе Б. Акунина «Левиафан» англоман «мистер Фандорин» катается по палубе парохода на трехколесном американском велосипеде в легком спортивном костюме: в клетчатых панталонах, гуттаперчевых туфлях с гамашами, коротком пиджаке и белой рубашке с красно-сине-белыми подтяжками и с расстегнутым воротом. На голове у него *пробковый шлем* [Акунин, 2000, с. 87].

Таким образом, протофразеологизм «дяди в пробковом шлеме», хотя и является окказионализмом, но имеет прочное культурное основание и получает все шансы со временем войти в сборник «Крылатые слова», а затем и во фразеологический фонд. Ну что же – внести свой вклад в словарь языка удастся далеко не каждому.

Литература

- Акунин Б. Левиафан. М.: Захаров, 2000.
Брешко-Брешковский Н.Н. Ремесло сатаны: роман. Калуга: Золотая аллея, 1996.
Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. Ноябрь. // Полное собрание сочинений в 30 тт. Т. 26. Л.: Наука, 1984.
Коммерсант, №321 (3070) от 09. 12. 2004.
Краснов П.Н. Казаки в Абиссинии // Зов Африки. Записки путешественников. М.: Редакция журнала «Вокруг света», 1992.

Молотков А.И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексико-графического описания // Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнов, В.Л. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. М.: Русский язык, 1986. С. 7-23.

Несмелов А.И. Без Москвы, без России: стихотворения. Поэмы. Рассказы / сост. и коммент. Е.В. Витковского и А.В. Ревоненко. М.: Московский рабочий, 1990.

Правда. №10 (16962) от 10. 01. 1965.

Пять минут на размышление. М.: Госкультпросветиздат, 1951.

Хрестоматия по физической географии. М.: Учпедгиз, 1948.

Чегодаев-Саконский А.П. На «Алмазе» (от Либавы через Цусиму – во Владивосток). Спб: Издатель М.А. Леонов, 2004.

Шолохов М.А. Тихий Дон: роман в 4-х книгах. Кн. 3-4. М.: Художественная литература, 1979.